

УДК 811.161.1'42

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ЭТИКЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ**Михальчук Т. Г.**

У статті на матеріалі мови п'єс М. Булгакова, О. Островського, К. Тренюва аналізуються системи етикету.

Ключові слова: мовний етикет, системи етикету, мовне змішування.

В статье на материале языка пьес М. Булгакова, А. Островского, К. Гринева анализируются системы этикета.

Ключевые слова: речевой этикет, системы этикета, языковое смешение.

In article on a material of language of plays of M. Bulgakov, A. Ostrovsky, K. Grinev etiquette systems are analyzed.

Key words: speech etiquette, etiquette systems, language mixture.

Речевой материал художественных произведений позволяет выделить несколько более или менее самостоятельных систем этикета: бывший “господский” этикет, простонародный, интеллигентский, городской, мещанский, купеческий, этикет военных, церковнослужителей.

“Господский” этикет характеризует наличие французских этикетных выражений: – Чаю? Молока? Яблоков? Говорите, чего хотите. – *Merci, Анна Афанасьевна. – Merci ou on merci non? (Благодарю – да или благодарю – нет?)* (В. Куприн. Молох).

В пьесах М. Булгакова наблюдается резкая поляризация персонажей: простой народ, выходцы из дворян, городские мещане. Отсюда и размежевание этикетных формул.

Приведем пример формул вежливости, употребляемых в речи высших сословий: *честь имею кланяться* (при прощании); *мое почтение* (приветствие); *честь имею вас поздравить* (поздравление); *покорнейше вас благодарю*; *мерси* (благодарность): [Николка:] *Покорнейше вас благодарю* (Белая гвардия). [Мышлаевский:] *А! Здравствуйте, господин полковник.* [Тальберг:] *Мое почтение, капитан* (Белая гвардия).

В речи представителей высших сословий довольно часто встречаются комплиментарные формулы: [Шервинский:] *Я просидел бы весь вечер в шинели у ваших ног.* [Елена:] *Ой, Шервинский, армейский комплимент!* [Шервинский:] *Помилуйте, это гвардейский комплимент* (Белая гвардия). [Мышлаевский:] *Ты, Леночка, замечательно выглядишь сегодня. Я тебе откровенно говорю. И капот этот идет к тебе, клянусь честью* (Белая гвардия).

Намеренно усиленная этикетность возмущения в ответ на грубость собеседника (этикетное несогласие) – распространённый стилистический прием в пьесах других драматургов 20-х годов: [Татьяна:] *До чего ты глупа! Какая ревность!* [Ксения:] *Мерси за любезность, но, по-моему, Лео ревнует тебя к Годуну* (Б. Лавренев. Разлом).

В рабоче-крестьянской среде существовали свои нормы речевого этикета.

“Революционные события 1917 года значительно повлияли на старые нормы взаимоотношений с людьми. Так, в рядах Красной Армии “пролетарские” правила речевого этикета позволяли в официальной обстановке дружеский тон и употребление формы глагола ед. числа со стороны нижестоящего к вышестоящему по положению: – *Слушай, Левинсон... – начал Морозка. – У меня просьба к тебе... Сполнишь – вечным другом будешь, правда...* (обращение к командиру) (А. Фадеев. Разгром)” [5, с. 17].

Еще в XIX веке в рабоче-крестьянской среде использование глагольных форм единственного числа было принято по отношению как к знакомым, так и незнакомым людям в официальной и неофициальной обстановке. Даже к вышестоящему по сословной лестнице адресату обращались, употребляя форму глагола един-

ственного числа: – *Яви божескую милость, отпусти ты Ваську домой!.. Ваше благородие, отпусти!* (А. Чехов. Темнота).

В простонародном этикете используется “отстраненное извинение”: – *А есть ли, – спрашивают, – деньги? – Нет, – говорю, – извините худого мужика, денег не припас* (М. Зощенко. Великосветская история).

В речи интеллигентов особо изысканным является извинение в том, чего собеседник не ожидает и за что не требует, например: – *Извините за скромное угощение. – Извините за плохую погоду.*

В речи Режиссера в одноактной пьесе Ю. Юрьина “Агитпьеса” автор умело использует эмоционально-художественный прием: сочетание разнородной прагматичности. Этот прием свойственен интеллигентской речи: создание эффекта тепло-грубоватой фамильярности в результате совмещения разностилевых форм этикета: [Помреж:] *У автора написано: “Выстрел, за спиной цыганский хор”.* – [Режиссер:] *Голубчик мой, вы меня извините, но вы совершеннейший идиот!*

Автор почти всегда так описывает героя (с точки зрения дифференциальных социальных признаков, его внешности, манер и т. п.), что оказывается ясным, почему персонаж предпочел то или иное выражение этикета. Например, у “простого народа” используются формулы благодарности: *благодарствуйте; спасибо на добром слове; спасибочка; много благодарен*; у интеллигентов: *уж и не знаю, как благодарить вас*; “господские”: *мерси за любезность*, мещанские: *“Желаю познакомиться”*.

Приведем пример сцены знакомства, представления в мещанской среде: *Дуняшка так засмотрелась, что носом вжикала. Сидевший рядом с ней офицер (и весьма уже солидный), пользуясь темнотой, обцупал для начала толстые Дуняшкины ляжки. А потом на улице уже нагнал ее. – Желаю познакомиться, – заявил. – Очень вы обворожили меня. Не извольте беспокоиться насчет сопровождения до дому: мы свое благородство понимаем... Дуняшка вынула из варежки руку, пахнущую керосином. – Дуня буду, – сказала (сказала и присела). – Очень нам приятно от этого, – отвечал офицер, польщенный таким знакомством. – А нас зовут Тим Харченко. – Ой! – пискнула Дуняшка, – отцега я про вас ранее не слыхивала? – Ну как же! Спросите любого. Тима Харченку все знают* (В. Пикуль. Из тупика) [6].

В пьесах А. Н. Островского ярко отражен купеческий этикет. “Особенность языка А. Н. Островского заключается в отражении специфики этикетных норм русского языка I–II-й половины XIX века. Индивидуальность этикетных форм в произведениях А. Н. Островского проявляется в отборе тех или иных языковых средств: в выборе имен, отчеств, фамилий; в специфических формах обращений: “алмазный”, “бриллиантовый”, “атласный”, “младой вьюнош”, “сокол – вороньи крылья”, “мамочка” (при обращении к мужчине и женщине); в использовании особых устойчивых этикетных выражений: “чувствительнейшую вам приношу благодарность”, “сделайте для меня милость”, “позвольте просить вас осчастливить нас”, “окажите этакое благодеяние-с”, “не угодно ли вам будет сегодня отобедать у меня?”, “честь имею представиться”, “пожалуйте-с ручку” и др. В использовании частицы вежливости “-с”, в обилии перформативных и неперформативных высказываний с особым этикетным значением и, наконец, в приеме плеоназма всех этих средств в одной реплике” [9, с. 10].

Общую группу составляют и наименования лиц по их родственным отношениям. В произведениях А. Н. Островского нашли отражения слова: *матушка, маменька, мама, мамочка; батюшка, тятенька, папенька, папаша, отец; брат, братец; сестра, сестрица; дядя, дяденька; тетя, тетенька; дитяtko, жена*, а также иноязычные слова французского происхождения: *taman, matante* (“тетушка”).

В купеческой и мещанской среде употребляются обращения *маменька, матушка, папенька, тятенька, батюшка*. Эти слова, являясь в современном языке устаревшими, свойственны патриархальному укладу жизни героев А. Н. Островского. [Любовь Гордеевна:] (отцу) *Я, тятенька, вашей воле не перечила! Коли хотите вы моего счастья, отдайте меня за Митю* (Бедность не порок).

Во второй половине XIX века изменения в семейных отношениях (эти отношения становятся более демократичными) способствуют появлению новых форм обращений (ставших современными): *мама, мамочка, папа, папочка*. А. Н. Остров-

ский в своих произведениях отражает эту языковую тенденцию. [Лариса:] (Огудаловой) *Ах, мама, мало ли я страдала? Нет, довольно унижаться* (Бесприданница).

В пьесах А. Н. Островского получили распространение и другие формы обращения к родственникам: *сестра, брат, кузина, бабушка, matant* (тетя) и т. д. [Купавина]: (Анфусе) *Тетя, не пора ли нам?* (Волки и овцы).

Художественному тексту в передаче разговорной речи свойственен намеренно подготовленный языковой отбор, продиктованный задачами образного изложения и учетом экспрессивных возможностей языковых средств, т. е. писатель не выдумывает речевые формы, но может изменять их концентрацию. При этом сохраняется достоверность языка, что важно для лингвиста, рассматривающего художественное произведение как языковой документ эпохи. Т. Г. Винокур отмечает: “Если автор художественного произведения демонстрирует ненамеренное использование каких-либо черт своего личного языкового опыта, в частности, характерологическую экспрессию, он тем самым вводит в словесную поэтическую ткань (которая должна быть “неповторимой” и только тогда будет истинно художественной) шаблон. Эстетическая ценность его стилистики при этом сводится к нулю. Если же в демонстрации личных языковых навыков заложена намеренная, образно-экспрессивная цель, – образуется поэтический идиолект именно как результат языкового творчества, созидания. Тогда писатель вправе окрашивать им художественную речь в любом объеме” [2, с. 95].

Пьеса К. Тренева “Любовь Яровая” (1926) относится к числу художественных произведений первого послеоктябрьского десятилетия, наиболее ярко отразивших атмосферу Октябрьской революции и давших многоплановую панораму социально-типичных образов.

Каждое действующее лицо пьесы – будь то Швандя или Кошкин, Дунька или Горностаев, Любовь Яровая или крестьянин Пикалов – наделено драматургом объемной речевой характеристикой.

Как особое достоинство языка Тренева критикой отмечалось, в частности, мастерское построение диалогов, “то драматически напряженных, то сатирически заостренных, в которых действенность всегда сочетается с большой смысловой емкостью” [3, с. 159].

Средствами языка последовательно поддерживается основная оппозиция образов: враги революции – защитники революции. Эта оппозиция в плане речевой характеристики опирается на противопоставление речи “образованных” и “необразованных” (иначе речь “господская”, литературная, и народная). Народная речь формируется на базе нелитературных, но общенародных пластов: просторечия, обиходно-разговорных средств.

Языковое смешение – характерная черта устного языка эпохи. Революционная перестройка общественной жизни усиливает речевой обмен между социальными группами, что академик Л. В. Щерба считал основной причиной сдвигов в языке [8, с. 29]. Языковое развитие в послеоктябрьский период идет в сторону все усиливающегося перехода от народно-нелитературной речи к литературному языку. “В первый период особенно заметным было влияние живой народной речи на литературный язык. В результате этого образовалась некая промежуточная форма устной речи (между литературной и нелитературной), показывающая, что большая часть населения нашей страны еще не овладела литературным языком, но уже теряет свои диалектные особенности, реже использует жаргонные и просторечные элементы. Этот процесс отразился в статьях газет и текстах художественной литературы двадцатых годов” [7, с. 14].

В пьесе К. Тренева наблюдается ряд явлений стилистического заимствования народными персонажами (Кошкин, Грозной, Швандя) литературных единиц (форм). Особенно это характерно для речи Шванди. Интересно отметить, что, стремясь в целом пополнить свою речь элементами литературного языка, Швандя использует формы “господского этикета” как чужеродный элемент в речи в юмористическом, насмешливом ключе, например: *“Просю обратно”*. [Швандя:] (в трубку). *Так точно. Есть арестованная. Так что с нею делать? В тюрьму лично доставить? Есть, това... господин поручик. Я ее сейчас возьму. Не сомневайтесь. У меня не убежит. А часовой пуцай при пакете стоит? Есть. Ну, пакеда. Банжур.*

Переходит в новый военно-революционный этикет, как видим, не все. Ответилось временем то, что имело оттенок социальной приниженности (“рад стараться”) и господской изысканности (“к Вашим услугам”).

Явление “коммуникативного переключения” в общем не характерно для людей из народа, “язык которых еще коснеет, словарь которых не приспособлен к выражению необъятно больших, чем обычно, идей и чувств, пробужденных в них революцией, и которые, однако, стремятся на этом недостаточном языке со всею искренностью и точностью изобразить сложное или новое, терзающее или радующее душу” [4, с. 357]. Однако и такое “цитирование” языковых единиц, ощущаемых как чужеродные, характерно как реализация тенденции к усилению единства национального языка на базе его высшей формы – литературного языка.

В речи представителей простого народа введены разговорные и просторечные формы согласия – несогласия (слова-предложения): *Никогда; Ясно; Еще бы; Нельзя; Угадал; Очень просто; Где уж! Упольне; Не упольне; Боле некуда; Подходяще*. Типично использование военно-уставных форм (даже и в невоенном обиходе, как у Шванди): *Есть; Так точно; Слушаюсь*.

В речи “господ” наблюдаются литературно-книжные (устно-литературные) формы использования нечленимых предложений: *Да с какой стати; Довольно; Не может быть; Едва ли; Отлично*. Характерны также формулы социально-высокого этикета: *Благодарю; Мерси; Извольте; Будьте покойны; Извините*. Распространено этикетное дублирование согласия: *Да-да; Как же, как же; Вот-вот; Конечно-конечно; Правда, правда*. Например: [Яровой:] *Я усиливаю патруль и караул*. – [Малинин:] *Да-да, пожалуйста*. Правда, этикетность речи “господ” избирательна. Она выдерживается с людьми своего круга, а в отношении с нижестоящими сменяется откровенной грубостью. Положительно характеризуется своей выдержанной этикетностью лишь профессор Горностаев, имеющий и положительно оцениваемую социально-политическую ориентацию.

Анализ распределения этикетных форм по социально-стилистическому признаку убеждает в том, что противопоставление “господа” (образованные) – “народ” действительно является в пьесе наиболее последовательным и глубоким. Кроме этих двух основных социальных групп, можно выделить несколько дополнительных подгрупп: “революционная интеллигенция”, “городские мещане”, “церковники”.

“В русском языке после революции – в противоположность предыдущим этапам истории – не происходит распада, не усложняется ее социально-диалектная дифференциация, не умножаются говоры. Наоборот, отчетливо выступают объединительные тенденции, происходит общенациональная концентрация русского языка” [1, с. 64].

При всех речевых социально-стилистических различиях ведущим признаком языка остается его национальная общность. В речи образованных “господ” и персонажей из народа определенная часть форм совпадает. Общими являются такие формы, как *да, нет, хорошо, пожалуйста, ладно, (ну), что ж*, т. е. нейтральные, общеязыковые средства.

Итак, в пьесе К. А. Тренева с помощью этикетных форм контрастно характеризуются персонажи разных социальных групп, создаются образно-художественные характеристики.

Ведущим является социально-идеологический принцип оппозиции персонажей, по отношению к которому собственно языковые стилистические различия оказываются подчиненными, обслуживающими. Это проявляется в напряженности стилистических различий, в явлении стилистических контрастов, переключений и смешений в речевом “спектре” персонажей.

Литература

1. Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М. : Наука, 1978.
2. Винокур Т. Г. О содержании некоторых стилистических понятий // Стилистические исследования / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1972.
3. Диев В. Творчество К. А. Тренева / В. Диев. – М. : Учпедгиз, 1960.

4. Луначарский А. В. Собр. соч. : в 8 т. / А. В. Луначарский. – М., 1963. Т. 1. – 1963.
5. Луцева О. А. Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох (конец XIX – первая половина XX века) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 “Русский язык” / Луцева О. А. – Таганрог, 1999.
6. Михальчук Т. Г. Стилистическое использование этикетных форм в рассказах М. Зощенко / Т. Г. Михальчук // Opera Slavica. – Brno, 1995. – R.V, и.4
7. Панов М. В. Русский язык и советское общество / М. В. Панов. – Алма-Ата, 1962.
8. Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая и речевая деятельность. – Л. : Наука, Ленинградское отдел, 1974.
9. Яицкая Т. В. Русский речевой этикет (категория вежливости) и способы его выражения в драматургии А. Н. Островского : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Яицкая Т. В. – Таганрог, 1999.